

Андрей Амелин | Андрей Смирных

«Долги — единственное,
что по-настоящему связывает тебя с людьми»
Сергей Довлатов

РИПОЛ **КЛАССИК**

Андрей Амелин
Андрей Геннадиевич Смирных
Долг и освобождение

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74404931
Долг и освобождение / А. Амелин, А. Смирных.: РИПОЛ классик;
Москва; 2026
ISBN 978-5-386-15636-7

Аннотация

Личное банкротство всё чаще рекламируют как спасательный круг – быстрый и законный способ списать долги и получить «второй шанс». Но как этот правовой институт работает на самом деле?

«Долг и освобождение» – жесткий и прагматичный взгляд на систему потребительского банкротства от людей, которые видят её изнутри. Авторы разрушают устоявшиеся социальные мифы о несостоятельности как о «крахе» или «позоре», подробно разбирая, как функционируют механизмы списания долгов в современных реалиях. Вы узнаете, почему в России и в мире стремительно растет число банкротств, как на самом деле устроена правовая политика в этой сфере и какие скрытые мотивы движут кредиторами и должниками.

Книга написана практиками с пятнадцатилетним опытом работы в банковской сфере. Андрей Амелин – эксперт по

проблемным активам, участник громких судебных процессов и автор книг по банкротству физических лиц. Андрей Смирных – кандидат юридических наук, детально исследующий механизмы несостоятельности. Их уникальный совместный опыт показывает тщательно скрытую сторону системы освобождения от долгов.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	9
Древний Восток	11
Ветхий Завет	13
Новый Завет	17
Древний Рим	19
Средние века	21
Новое время	27
Прощение долгов в российской истории	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Андрей Амелин, Андрей Смирных Долг и освобождение

Изображение на обложке

Питер Брейгель Младший «Контора сборщика налогов»

РИПОЛ
КЛАССИК

© Андрей Амелин, 2026

© Андрей Смирных, 2026

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИ-ПОЛ классик», 2026

Предисловие

Какие ассоциации вызывает у вас слово «банкротство»?

Закон подразумевает под этим неплатёжеспособность, невозможность платить по долгам. Классическая европейская культура рисует куда более мрачную картину: «разорение», «крах», «конец», «катастрофа», «позор», «нищета».

Нельзя сказать, что резко негативное представление о банкротстве полностью лишено оснований. В прошлом несостоятельность действительно могла стать катастрофой для добросовестного человека, а законы наказывали должников крайне строго – вплоть до смертной казни. Доказать «несчастный» характер несостоятельности и снять с себя ответственность было очень сложно – это само по себе выглядело чудесным спасением. В общественном сознании банкротство являлось несмываемым клеймом, признаком мошенника или, в лучшем случае, неудачника.

Однако в последние пятьдесят лет всё шире распространяется нарратив о том, что личное банкротство является инструментом, позволяющим освободиться от непосильного долгового бремени. Как ни парадоксально это звучит, сегодня личное банкротство – один из путей к экономической свободе. К сожалению, человеку не дано начать жизнь сначала, но банкротство может дать ему «второй шанс» хотя бы в части экономики и финансов. И это не высокопарные слова.

Идея fresh start или earned start («нового» или «заработанного» начала экономической жизни) стала всемирно признанной целью современной несостоятельности граждан в современных демократических странах.

Это подтверждается цифрами: ежегодно через процедуру личного банкротства проходят около полутора миллионов человек. Лидерами традиционно остаются Великобритания (126 тысяч процедур в 2025 году¹) и Соединённые Штаты Америки (почти 485 тысяч процедур в 2024 году²). Однако в последнее время «пальму первенства» уверенно захватила Россия, где в 2025 году было зафиксировано 568 тысяч новых банкротств граждан, не считая 68 тысяч человек, инициировавших процедуру в несудебном порядке. Всего же с октября 2015 года банкротами были признаны более двух миллионов граждан нашей страны. Достигли ли мы точки насыщения или ещё нет? Этот вопрос пока открыт. Ежегодные темпы роста количества потребительских банкротств снижаются, но всё ещё представляют собой двузначные цифры.

Стандартным последствием прохождения через процедуру личной несостоятельности является освобождение должника от обязательств перед кредиторами. При этом – несмотря на то, что модели банкротства граждан в различных стра-

¹ Источник: <https://www.gov.uk/government/statistics/individual-insolvencies-december-2025/commentary-individual-insolvency-statistics-december-2025>.

² Источник: <https://www.uscourts.gov/statistics-reports/analysis-reports/bankruptcy-abuse-prevention-and-consumer-protection-act-report>.

нах порой существенно различаются [см., например, 2], – концепция итогового «обнуления» долгов остаётся неизменной. Чем же объясняется подобное единодушие законодателей? Чем оно обусловлено? Гуманизмом, экономической целесообразностью, политической конъюнктурой или иными причинами?

Представляется, что для ответа на эти вопросы необходимо проследить историю развития самой идеи прощения долга с древнейших времён и до наших дней, эволюция которой, по сути, и привела к возникновению института потребительского банкротства в том виде, что знаком нам сегодня. В любом случае абсолютно очевидно, что проблемы банкротства граждан нельзя игнорировать – им нужно уделять серьёзное внимание как при оценке экономической ситуации в России, так и при определении перспективных направлений правовой политики. Надеемся, что эта книга поможет во всём разобраться.

Андрей Амелин, Андрей Смирных
2026 г.

Глава 1

Прощение долгов как основная идея личного банкротства

Эпиграфом к первой главе вполне могли бы стать слова талантливого американского антрополога Дэвида Гребера: «Мне кажется, что нам давно необходимо что-то вроде отпущения грехов в библейском духе, которое затронет как международные долги, так и потребительские. Это будет благотворно не только потому, что облегчит страдания множества людей, но и потому, что напомним нам, что деньги не священны, что нравственность не основана на выплате долгов, что всё это лишь человеческие установления и что если демократия что-то и означает, то в первую очередь способность всё устроить по-другому».

Непримиримый учёный в своём знаменитом труде под названием «Долг: первые 5000 лет истории» развенчал миф о меновой торговле, посетовал на проблему всеобщей перекредитованности, а также раскритиковал международные финансовые организации и правительства, которые разрушают социальные структуры, «выбивая» деньги из своих должников под прикрытием морали. Однако по каким-то причинам Гребер обошёл вниманием тот факт, что механизм системного освобождения людей от финансовых обяза-

тельств (проще говоря, механизм списания долгов) появился уже очень давно. И чем быстрее, технологичнее и агрессивнее становились методы кредитования, тем более быстрыми, технологичными и массовыми становились практики «финансового прощения», эволюционной вершиной которых стало современное потребительское банкротство.

Институт личного банкротства можно рассматривать в качестве своеобразного вида социального страхования, когда большинство населения «переплачивает» в рамках кредитов и налогов за то, чтобы при возникновении необходимости сограждане могли избавиться от непосильной долговой нагрузки. Таким образом, банкротство балансирует систему, предотвращая социальные взрывы. Чтобы понять, как развивались эти важнейшие механизмы, давайте обратимся к исторической ретроспективе.

Древний Восток

В долине рек Тигр и Евфрат, на территории Южной Месопотамии, зародилась одна из древнейших цивилизаций в истории человечества. В Шумере возникли письменность, ирригационные сооружения, сельскохозяйственные орудия, а также древнейшие города-государства, центром которых служили храмы, представлявшие собой гигантские производственные комплексы. И хотя в настоящее время неизвестно точное время возникновения процентных ссуд, есть основания полагать, что именно шумерские храмовые управители ввели практику финансирования торговли с другими регионами под определённый процент.

Около 2400 года до н. э. в среде местных чиновников и состоятельных купцов возникла практика предоставления ссуд под залог крестьянам, столкнувшимся с финансовыми затруднениями, и присвоения их собственности в случае, если они не могли вернуть долг. Как правило, всё начиналось с зерна, овец, коз и мебели, потом в дело шли поля и дома или же члены семьи [7]. В то же время большинство личных долгов всё-таки не были результатом фактических займов, а являлись неоплаченными сельскохозяйственными сборами, налогами и связанными с ними обязательствами перед храмовыми чиновниками.

Так или иначе, долговое бремя, которое несли жители,

приводило к серьёзным негативным последствиям для общества. Во-первых, разрушались семьи, что было чревато демографическими проблемами. В-вторых, крестьяне, спасаясь от долгового рабства, зачастую пополняли состав кочевых банд, а это вело к увеличению преступности и уменьшению количества налогоплательщиков. В-третьих, потеря земли лишала крестьян мотивации к защите территории, на которой они проживали, что делало общество более уязвимым с точки зрения завоевания внешними врагами.

Вот почему начиная с 2400 г. до н. э. шумерские правители регулярно устраивали освобождение от долгов, тем самым восстанавливая платёжеспособность населения: долги списывались, а земли возвращались бывшим долговым рабам, которые воссоединялись с семьями.

Формальными поводами для издания эдиктов о долговой амнистии обычно служили восхождение на трон, окончание войны или постройка храма. Такие эдикты назывались провозглашением свободы, при этом шумерское слово *amargi* – первое в истории записанное слово, обозначавшее свободу, – дословно переводится как «возвращение к матери», поскольку именно это позволялось сделать освобождённым долговым рабам [7].

Нужно отметить, что традиция списания долгов практиковалась не только в Шумере, но также позднее в Вавилоне, Ассирии, Египте, а иудаизм заимствовал данную практику, поместив её в центр закона Моисея.

Ветхий Завет

Глава 15 Второзакония гласит: «В седьмой год делай прощение. Прощение же состоит в том, чтобы всякий заимодавец, который дал займы ближнему своему, простил долг и не взыскивал с ближнего своего или с брата своего, ибо провозглашено прощение ради Господа [Бога твоего]».

В «Библейской энциклопедии Брокгауза» указано: «Господь предписал в Законе, чтобы израильтяне обрабатывали свою землю шесть лет подряд, а на седьмой давали ей отдохнуть. Тогда земля должна была праздновать субботу своему Господу, то есть и земля участвовала в Божьем покое... В седьмой (субботний) год израильтянин должен был простить долг своему соотечественнику, но не иноземцу (Втор. 15:1–11), в связи с чем этот год называли также годом отпущения (шенат хашемитта, Втор. 15:1; Втор. 31:10), который, однако, нельзя путать с юбилейным годом (шенат хайй-овель)» [13]. Таким образом, год отдыха для земли являлся также отдыхом и для должника. При этом богословы расходились во мнении, освобождались ли должники от обязательств полностью или просто действовал своеобразный мораторий на взыскание в течение года.

Например, профессор Александр Павлович Лопухин указывает, что «Михаэлис, Зальшюц, Олер, Пасторет, Винер, Смит и др. понимают приведённые слова в том смысле, что

„прощение“ состояло не в абсолютном прекращении права заимодавца требовать с должника данную ему займы сумму, а только в прекращении этого права в продолжение седьмого года, после которого заимодавец опять входил в свои права и опять мог требовать с должника занятую ему сумму. В самом названии этого года – Schemittah, – говорит Зальшюц, – не заключается понятия полного прощения долгов, а только оставления на некоторое время права взыскания их. Особенно замечательно, – добавляет он, – в этом отношении то, что глагол schamat – „оставлять“ – относится не к долгу, а к руке, требующей долг. В смысле временного оставления schemittah употребляется и в отношении земли, когда говорится об оставлении её без обработки в седьмой год» [18].

В то же время сам Лопухин придерживался противоположного мнения, считая, что другие положения главы 15 Второзакония наглядно свидетельствуют о необходимости абсолютного прощения долгов: «Если будет у тебя нищий кто-нибудь из братьев твоих, то не ожесточи сердца твоего и не сожми руки твоей пред нищим братом твоим, но открой ему руку свою и дай ему займы, смотря по его нужде, в чём он нуждается. Берегись, чтобы не вошла в сердце твоё незаконная мысль: приближается седьмой год, год прощения, и чтобы от того глаз твой не сделался немилостив к нищему брату твоему, и ты не отказал ему; ибо он возопиет к Господу, и будет на тебе великий грех».

Отдельно следует упомянуть, что существовали нормы

для так называемого юбилейного года (наступал после семи субботних годов, то есть на пятидесятый год), также направленные на облегчение участи малоимущих слоёв населения. В первую очередь речь шла о возвращении беднякам в юбилейный год земли даже при отсутствии возможности её выкупить (Лев. 25:24–28). Кроме того, предписывалось освобождать рабов-евреев, а также запрещалось взимать с нуждающегося проценты со ссужаемого капитала и всякого роста с долгов натурой.

Конечно, провозглашение субботних и юбилейных годов само по себе не означало автоматического исполнения положений закона Моисея. В эпоху Второго Храма продолжали развиваться торговля и производство, соответственно, должно было совершенствоваться и кредитование, а для этого необходимо было преодолеть «неудобные» положения о систематическом списании долгов. Вот почему Гиллелем Старшим³ была введена в действие юридическая фикция под названием просбол (прозбул).

Формально догматические правила о списании долгов, конечно, не отменялись, однако им давалась расширенная интерпретация, гласящая, что прощению подлежат лишь частные долги, но не долги перед судом. Соответственно, кредиторы использовали такое толкование в свою пользу и составляли письменный документ (просбол), в котором передава-

³ Раввин, наиболее значительный законоучитель эпохи Второго Храма, основатель фарисейской школы.

ли долг для взыскания судьям. В действительности же, конечно, документ лишь подписывался судьями, но кредитор взыскивал долг самостоятельно.

Дополнительным требованием являлось написание просбола «в опоре на землю», то есть должнику надлежало обладать каким-либо недвижимым имуществом, причём последнее не обязательно должно было быть эквивалентно сумме долга: достаточно и малого клочка земли, на котором можно вырастить кочан капусты [20]. Очевидно, за счёт этого требования делалась попытка придать просболу характер ипотеки.

Таким образом, несмотря на важное экономическое и религиозно-нравственное значение долговых амнистий, игравших большую роль в снижении уровня социальной напряжённости и поддержании платёжеспособности населения, с активным развитием института частного кредитования канонические традиции периодической ликвидации обязательств постепенно слабели.

Новый Завет

Евангелие от Луки описывает проповедь Иисуса Христа в синагоге Назарета, во время которой Иисус объявил, что Господь направил его «благовествовать нищим... исцелять сокрушённых сердцем, проповедовать пленным освобождение, слепым – прозрение, отпустить измученных на свободу», а также «проповедовать лето Господне благоприятное» (Лук. 4: 16–19).

Если с дарованием свободы всё более или менее понятно, то возникает вопрос, что именно подразумевалось под «летом Господним благоприятным». Богословы сходятся во мнении, что в данном случае речь идёт о том самом юбилейном годе, который в народе считался праздничным ввиду даруемых в это время привилегий [18; 19]; проще говоря, Иисус проповедовал всё ту же традицию долговой амнистии.

Данный вывод подтверждается главой 6 Евангелия от Матфея, в которой сказано: «...и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим» (Матф. 6:12), а также главой 11 Евангелия от Луки: «...и прости нам грехи наши, ибо и мы прощаем всякому должнику нашему» (Лук. 11:4). И в том и в другом случае речь идёт о недвусмысленном указании на системное освобождение должников от обязательств.

Нельзя не упомянуть и главу 18 Евангелия от Матфея,

где повествуется о царе, простившем долг своему рабу. Во-первых, примечательно, что царь простил долг полностью, несмотря на то, что раб просил лишь об отсрочке платежа. Во-вторых, интересно, что была прощена колоссальная сумма в 10 тыс. талантов (более триллиона рублей по нынешнему курсу), то есть сумма, которая не могла быть выплачена априори. Прощение такой задолженности как нельзя лучше иллюстрирует подход, ранее действовавший на Древнем Ближнем Востоке: то, что не может быть выплачено, не должно выплачиваться⁴.

Однако вышеупомянутая проповедь Иисуса к моменту описываемых событий могла считаться практически революционной, поскольку интересы частных кредиторов в Римской империи существенно превалировали не только над интересами должников, но и зачастую над интересами правителей.

⁴ Этот принцип был применим не только к долгам потребителей, но и к коммерческим. Так, по Законам Хаммурапи в случае убытка в результате нападения врагов шамаллумы (странствующие торговцы) освобождаются от обязательств (§ 103).

Древний Рим

Экономические излишки, которые образовывались у населения, постепенно стали сосредотачиваться в руках крупных землевладельцев, сконцентрировавших под своим контролем большое количество земель. Расслоение общества усиливалось, долговое бремя возрастало.

Профессор экономики Майкл Хадсон отмечает: «Целью кредиторов являлась замена обычного права граждан на независимость противоположным принципом – правом кредиторов забрать заложенные имущество и средства к существованию (или скупить их по заниженным ценам), а также сделать эти трансферы необратимыми. Безопасность мелких собственников заменялась священностью долга вместо его периодической отмены» [27].

Неудивительно, что во времена Республики долговых амнистий не существовало, хотя некоторые меры для сдерживания темпов роста долговой нагрузки населения всё же принимались. Так, *Законы двенадцати таблиц* предусматривали не только разрубание должника на части, а также долговое рабство, но и устанавливали максимальную ставку кредитования – не более 1% в месяц. Периодически указанная ставка то понижалась (например, в 347 году до н. э. предельный размер ставки был снижен вдвое), то повышалась, однако любые более серьёзные инициативы, предпола-

гающие освобождение от обязательств, контроль за оборотом земельных участков и кредитованием, блокировались. Достаточно вспомнить земельные реформы Тиберия и Гая Гракхов, которые пытались остановить обнищание населения и наделить беднейших крестьян землёй, но в результате были убиты, или неудавшийся заговор Катилины, одним из ключевых лозунгов которого была отмена долгов. До наступления имперского периода, пожалуй, единственным серьёзным успехом для должников стала отмена в 326 году до н. э. института долгового рабства (*nechum*).

В 119 году император Адриан провёл масштабную налоговую амнистию, показательно уничтожив в огне документы, касающиеся задолженностей по налогам. В 178 году то же самое сделал Марк Аврелий. После падения Западной Римской империи к подобной практике изредка прибегали и правители Византии: например, в 578–582 годах налоговые долги списал Тиберий II, в 797–802 годах его примеру последовала византийская императрица Ирина, а в 1025 году император Василий II на два года отказался от налогов на землю и очаг.

Таким образом, именно облегчение налогового бремени было ключевым инструментом для помощи закредитованному и экономически ослабленному населению в Римской империи, поскольку прощение иных долгов стало, по сути, политически невозможным.

Средние века

Ввиду того, что продажа должников в рабство была наконец запрещена, а членовредительство никоим образом не приближало кредиторов к возврату их денег, ключевой мерой воздействия на должников в период Средневековья стало тюремное заключение. Лишение свободы за долги практиковалось в Германии, Англии, Франции, Фландрии, Нидерландах, Италии. Широкое распространение получили специализированные долговые тюрьмы: например, в одном только Лондоне насчитывалось полдюжины пенитенциарных заведений, где содержались должники (Тюрьма королевской скамьи, Лудгейт, Маршалси, Ньюгейт, Флит, Клинк).

Помимо непосредственно тюрем, использовались и другие способы ограничения свободы: например, в Англии существовали так называемые *sponging houses*⁵, представлявшие собой промежуточный пункт между долговой тюрьмой и свободой, где временно находились должники, пока были возможны переговоры об урегулировании долга между ними и кредиторами. Традиция подобных учреждений восходила, во-первых, к французскому договорному институту-

⁵ Своё название *sponging houses*, видимо, получили по ассоциации с губкой (*sponge*), которая при сжатии отдаёт все своё содержимое. Примерно то же самое происходило со средствами должников, которые вынуждены были оплачивать приставам крайне дорогостоящее проживание в этих заведениях.

ту *ostagium*, который до момента выплаты займа ограничивал передвижение должника пределами городских стен, а во-вторых, к так называемым харчевенным договорам (*wirtschausclausel*), предписывающим должнику и его поручителю проживать в гостинице.

Несмотря на кажущуюся экономическую нецелесообразность подобного обращения с должниками, которых лишали возможности зарабатывать, а в случае с харчевенными договорами также обременяли дополнительными финансовыми обязательствами (профессор Йозеф Колер назвал этот обычай дурным [8]), законодатели всё же находили в этом определённый смысл. Принято считать, что основной целью лишения должников свободы было *не наказание* за неисполнение их обязательств перед кредиторами, *но понуждение* должника, его друзей и родственников к скорейшему исполнению таковых обязательств [43].

Однако проблема состояла даже не в бесчеловечности использования подобного инструмента работы с проблемной задолженностью, а в том, что должники, не будучи преступниками, подвергались такому же обращению, как и преступники (хотя с наиболее закоренелыми преступниками должники всё же обычно не смешивались: так, датский закон 1683 г. устанавливал, что должники не должны содержаться вместе с лицами, совершившими тяжкие преступления [34]). Этот факт максимально стигматизировал сам статус должника вне зависимости от конкретных обстоятельств по-

явления задолженности, в связи с чем уничижительное отношение к финансово несостоятельным лицам позднее было подкреплено «официальным презрительным дискурсом, в котором банкроты назывались лжецами, мошенниками, правонарушителями, обманщиками и расточителями» [28].

Конечно, с развитием кредитования, торговли, транспорта эволюционировало и поведение самих должников, которые, стремясь спасти свои здоровье, свободу и хоть какое-то имущество, прятали или передавали близким имеющиеся в их распоряжении пожитки, а сами скрывались в соседних регионах. Следовательно, неминуемо должны были развиваться и средства, которые предоставлялись кредиторам для взыскания долгов.

Существовавшие на тот момент механизмы взыскания были ориентированы на интересы *отдельных* кредиторов, но не *группы* кредиторов. Таким образом, взыскание долгов порой напоминало если не охоту, то забег, во время которого несколько кредиторов пытались не просто догнать должника, но и обогнать друг друга. Исход такого «соревнования» сильно зависел от финансовых возможностей и связей действующих лиц, а потому удовлетворял далеко не всех. Это обуславливало необходимость принятия законов, создающих инструменты для справедливого *коллективного* взыскания долгов.

Вот почему начиная с XIV века в европейском законодательстве постепенно появляются нормы, которые в дальней-

шем станут основой для формирования института банкротства, известного нам сегодня. Конечно, на тот момент речь не шла о разделении должников на предпринимателей и потребителей или об освобождении несостоятельных граждан от обязательств, а само слово «банкрот» (*bancarotti*) использовалось наравне со словом «беглец» (*fugitivi*) [42]. Тем не менее нельзя не отметить стремление государств урегулировать проблемы взаимодействия между всеми заинтересованными сторонами в целях «выравнивания» процесса взыскания проблемной задолженности.

Пионерами выступили торговые города северной Италии: Болонья, Венеция, Пиза, Флоренция. Так, ещё в XIII веке Болонья не просто активно развивала соответствующее законодательство, но даже создала реестр лиц, изгнанных из города за долги [35]. Кодексы ганзейских городов уже в конце XIII века предусматривали распределение имущества должника между кредиторами в зависимости от суммы требований, но только в случае его бегства или смерти [29]. А в самом начале XVI века в герцогстве Брабант должнику предоставлялась возможность получить в суде специальный документ – *lettre de justice*, – согласно которому могли предусматриваться отсрочка платежа, списание части задолженности или защита от тюремного заключения (начиная с 1520 года такой документ предоставлялся только «благонамеренным» должникам) [40].

В 1542 году появился первый английский закон о банк-

ротстве, озаглавленный как «Акт против лиц, которые действительно обанкротились»⁶. Профессор Чарльз Джордан Тэбб, один из видных американских исследователей банкротства, иронично заметил: «Судя по названию, акт был принят вообще без учёта интересов должника» [41].

Согласно данному закону, процедура банкротства могла быть инициирована исключительно кредиторами, которые получали удовлетворение своих требований *pro rata* за счёт реализации имущества должника. Излишне говорить, что освобождение от обязательств после завершения продажи имущества данным законом не предусматривалось, зато для должников, которые по тексту именовались правонарушителями (*offenders*), предусматривалось тюремное заключение.

В течение следующих 150 лет в Англии был принят ещё ряд законодательных актов в сфере банкротства (в 1570, 1604, 1623, 1662 годах), но ни один из них не способствовал серьёзному облегчению положения должников, о чём наглядно свидетельствует заявление английского судьи сэра Роберта Хайда, сделанное им в 1633 году: «Если человека схватят и посадят в тюрьму за долги, ни истец, по чьему иску он был арестован, ни поймавший его шериф не обязаны находить ему мясо, питьё и одежду; но он должен жить самостоятельно или за счёт благотворительности других; и если никто не поможет ему, пусть умрёт во имя Бога, говорит

⁶ 34 & 35, Henry VIII. Chapter 4, An act against such persons as do make bankrupts (1542).

закон; и так говорю я» [30].

Новое время

Лишь в 1705 году, во время правления королевы Анны Стюарт, был принят статут⁷, впервые позволивший должникам списывать задолженность по завершении процедуры личного банкротства. Данный законодательный акт является важной вехой в развитии института личного банкротства.

Конечно, освобождение банкротов от обязательств на тот момент происходило не автоматически, а с массой оговорок. Во-первых, закон применялся только в отношении торговцев (traders), потребительские же долги не попадали в сферу его действия. Во-вторых, для списания долгов банкроту необходимо было получить «сертификат соответствия» (под соответствием в данном случае понималось добровольное раскрытие и предоставление всех своих активов соответствующим должностным лицам). В-третьих, существовали обстоятельства, которые делали освобождение от обязательств принципиально невозможным: например, чрезмерные траты неплатёжеспособного должника на азартные игры⁸ или переписывание им имущества на детей. В-четвёртых, процедура банкротства по-прежнему не была добровольной, то

⁷ 4, Anna. Chapter 17 (1705).

⁸ Суммы затрат, рассматриваемых в качестве чрезмерных, периодически менялись. На тот момент допускалось проиграть не более 5 фунтов в день и не более 100 фунтов в год, предшествующий банкротству.

есть могла быть инициирована только кредиторами, а не самим должником (возможность самостоятельно инициировать личное банкротство появилась лишь в середине XIX века).

Интересно, что законом предусматривалась возможность оставления должнику некоторой суммы (в размере не более 5% от его активов и при этом не более 200 фунтов) в качестве своеобразного прожиточного минимума. В то же время размер указанного довольствия мог быть ограничен управляющими имуществом банкрота, если имущественная масса должника приносила кредиторам менее 40% от заявленных ими требований. Таким образом, статут Анны предвосхитил ещё одно условие освобождения должников от обязательств, которое через некоторое время надолго укоренится в английском банкротном праве, – минимальный процент погашения требований кредиторов.

К сожалению, даже те скромные возможности, которые появились у должников, вскоре были ещё сильнее ограничены. Например, в 1706 году обязательным условием освобождения должника от обязательств стало получение согласия большинства из его установленных кредиторов, а с 1718 года должник был вынужден приносить клятву о том, что согласие кредиторов получено им честно.

В 1732 году, при короле Георге II, был принят «Акт для предотвращения совершения мошенничеств банкрутами»⁹,

⁹ The Statute of 5 George II. Chapter 30 (1732).

который в общих чертах продолжал политику, предусмотренную статутом Анны 1705 года: с одной стороны, была возможность освобождения от обязательств по завершении личного банкротства (при наличии статуса предпринимателя, сертификата соответствия, клятвы и т. д.), с другой стороны, должники, не соответствовавшие требованиям закона, признавались преступниками (felons). Возбудить процедуру банкротства могли только кредиторы. Также должнику предоставлялась возможность сохранить за собой определённую денежную сумму и некоторое имущество, но это опять-таки зависело от размера погашенных требований кредиторов.

Статут Георга II действовал в Англии с некоторыми поправками следующие сто лет; кроме того, именно он послужил основой для первого федерального закона о банкротстве в США, принятого в 1800 году. Однако куда более примечателен другой американский законодательный акт – Закон о банкротстве 1841 года, впервые провозгласивший возможность добровольного банкротства должника.

Паника 1837 года, вызвавшая в США затяжной экономический кризис, заставила правительство страны рассмотреть возможность массового контролируемого списания долгов граждан, и Закон о банкротстве 1841 года стал яркой вехой в истории освобождения от обязательств. Помимо уже упомянутой возможности должника самостоятельно инициировать банкротство, был расширен круг лиц, которые могли

обанкротиться: теперь это были не только предприниматели, но и любые граждане, имеющие долги (в Англии возможность неторгового банкротства появится только в 1861 году). Кроме того, теперь для освобождения от обязательств должнику не требовалось согласие $2/3$ кредиторов – достаточно было согласия простого большинства.

Конечно, столь масштабные изменения не могли не вызвать бурных общественных дискуссий и серьёзного противодействия со стороны кредиторов, в результате чего Закон о банкротстве 1841 года был отменён уже в 1843 году. За два года им воспользовались 33 739 должников, из которых всего 765 не получили освобождения от обязательств [41].

В течение нескольких следующих десятилетий идея освобождения от долгов через процедуру личного банкротства, несмотря ни на что, продолжала развиваться. В 1844 году английским предпринимателям было впервые разрешено самостоятельно подавать заявления о собственном банкротстве, в 1861 году доступ к этой процедуре был предоставлен должникам, не связанным с предпринимательской деятельностью, а в 1883 году была окончательно отменена необходимость получения согласия кредиторов для освобождения должника от обязательств (правда, у английского суда оставались достаточно широкие полномочия по блокировке списания задолженности). Чуть позже, в 1898 году, в США был принят Закон о банкротстве, который позволял любому должнику самостоятельно подать заявление и в результате

процедуры полностью списать свои долги вне зависимости от мнения кредиторов или суда.

Прощение долгов в русской истории

В России идея списания долгов появилась в XIX веке. Возможность списания долгов распространялась только на добросовестных должников – и при этом не на всех, а лишь на тех, чьё банкротство наступило вследствие случая, который невозможно было предвидеть, или обстоятельств непреодолимой силы.

Вероятно, в начальный период русской истории (XI–XIII вв.) для добросовестного должника, несостоятельность которого наступила по независящим от него обстоятельствам, существовала лишь возможность получения рассрочки исполнения обязательств, но не прощения долга [6]. Иные несостоятельные должники продавались на торге, и вырученные деньги распределялись между кредиторами (ст. 69 Русской Правды, Карамзинский список).

Сходная норма о возможности получения отсрочки содержалась и в Соборном уложении 1649 года. «Несчастному» должнику (в ст. 203 Уложения приводились примеры оснований «несчастливого» банкротства: «в убожество впал и изволением Божиим от огненаго запаления, или животы его какими мерами потонули, или его розбойники, или тати, или иные какие лихие, или воинския люди разорили, и животы его розграбили») предоставлялась отсрочка исполнения обя-

зательств до трёх лет. Если же у должника не было таких уважительных причин несостоятельности, его отдавали в закупы кредитору, а при множественности кредиторов применялись правила об очередности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.